

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.31857/S086919080000844-5

Для цитирования: Каменева М.С., Федорова И.Е. Россия и Иран: пять веков сотрудничества. *Восток (Oriens)*. 2018. № 4. С. 171–182. DOI: 10.31857/S086919080000844-5

For citation: Kameneva M. S., Fedorova I. E. Russia and Iran: five centuries of collaboration (2017). *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 4. Pp. C. 171–182. DOI: 10.31857/S086919080000844-5

РОССИЯ И ИРАН: ПЯТЬ ВЕКОВ СОТРУДНИЧЕСТВА

© 2018

М.С. КАМЕНЕВА ^{а)}, И.Е. ФЕДОРОВА ^{б)}

^{а)} Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3680-0301>;
kamenevamarina@mail.ru

^{б)} Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-830X>; f-irina51@mail.ru

15 ноября 2017 г. в Москве прошла международная конференция “**Пять веков сотрудничества России и Ирана**”, в работе которой приняли участие известные специалисты из России, Ирана, Великобритании, Израиля, Казахстана. Широко были представлены российские иранисты – ученые Москвы, Петербурга, Казани, Махачкалы, Нижнего Новгорода, Саратова, Челябинска и Новосибирска. На шести тематических секциях было прочитано и обсуждено около 70 докладов по разным аспектам многовековых взаимоотношений двух стран. Пленарное заседание проходило в Российском государственном архиве социально-политической истории, а работа секций – в Институте востоковедения РАН, которые совместно с Посольством ИРИ в РФ и Культурным представительством Ирана выступили организаторами конференции.

Приветственные послания участникам конференции направили министр иностранных дел РФ *С.В. Лавров* и министр иностранных дел Ирана *Мохаммад Джавад Зариф*, отметившие расширение и наращивание российско-иранских связей, особенно в последние десятилетия, выведение их на новый уровень стратегического партнерства и пожелавшие успеха работе конференции, итоги которой должны способствовать дальнейшему развитию этого процесса.

С приветственным словом к участникам конференции и гостям обратились акад. РАН *В.В. Наушкин*, научный руководитель ИВ РАН, зам. директора ИВ РАН *В.Я. Белокреницкий*, зав. сектором Ирана ИВ РАН *Н.М. Мамедова*, руководитель Центра обучения и исследований МИД ИРИ *Казем Саджадпур*, посол ИРИ в РФ *Мехди Санаи*, руководитель Федерального архивного агентства России *А.Н. Артизов*, зам. директора Второго департамента Азии МИД РФ *М.А. Баранов*, главный редактор журнала “Россия и мир” *А.Ю. Чудодеев*, зам. руководителя Центра обучения и исследований МИД ИРИ *Мортаза Даман Пак Джами*, руководитель Культурного представительства ИРИ в Москве *Реза Малек*, директор Института культурного наследия и туризма ИРИ *Сейед Мохаммад Бе-*

хешти и зам. руководителя Организации архивных документов и Национальной библиотеки *Шахрам Юсеффар*.

Работа **первой секции** была посвящена общим проблемам российско-иранского сотрудничества. *М.А. Дарункул* (Иран) проанализировал сложности в развитии экономических связей в контексте отношений Ирана и России в Евразии. По его мнению, необходимо вырабатывать “евразийскую систему ценностей” на основе учета экономических и политических реальностей Ирана и России. *В.И. Юртаев* (РУДН) предложил перечень 100 символов Ирана по аналогии с 100 символами России, что может продемонстрировать вклад обеих стран в мировую культуру, политику и экономику. Сравнение части символов показало их общее историческое наследие. Среди сходных символов можно отметить озера Урмия в Иране и Байкал в России, поэтический символ “соловей и роза” – один из центральных в поэзии как России, так и Ирана. Гуманитарная сфера может способствовать раскрытию потенциала российско-иранского сотрудничества, экономической активности и позволит наполнить двустороннее сотрудничество новым смыслом.

Э. Кулаи (Тегеранский ун-т) отметила некоторые особенности теорий неорегионализма и проанализировала их значение для развития регионального сотрудничества между Ираном и Россией в евразийском пространстве. Иран и Россия, несмотря на расхождение интересов на уровне двусторонних отношений, смогли прийти к сближению своих позиций в рамках региона.

В.И. Сажин (ИВ РАН) охарактеризовал военно-техническое сотрудничество России и Ирана в исторической ретроспективе и его потенциальные возможности. Первые шаги в этом направлении относятся к XVII в., когда персидско-армянские купцы финансировали строительство первого военного корабля Российских военно-морских сил на Каспии. Большое значение имела и деятельность Персидской казачьей бригады, организованной в 1879 г. русскими офицерами-инструкторами по просьбе Насер ад-Дин-шаха. Далее военное сотрудничество развивалось неравномерно, в зависимости от состояния межгосударственных отношений двух стран. Активность в этой сфере наблюдается в последние десятилетия, хотя и с некоторыми ограничениями, связанными с ядерной программой Ирана. Так, в 2000–2007 гг. Россия являлась основным поставщиком вооружений в ИРИ (около 85% всего военного импорта страны). Вместе с тем, учитывая сложные отношения Ирана с Западом, Россия выступает пока в качестве вероятного партнера, способного обеспечить иранскую армию современным оружием.

Священник *Д. Сафронов* (Московский патриархат) рассказал о 20-летних контактах РПЦ и шиитского духовенства ИРИ и ведущемуся диалоге “Православие – ислам”.

Вторая секция была посвящена российско-иранским экономическим связям. *Н.М. Мамедова* (ИВ РАН) подчеркнула значение Волжского пути как оптимального для развития торговых связей России с Ираном как в исторической ретроспективе, так и в настоящее время. Она проанализировала роль транзитного пути из Скандинавии на Восток и обратно до середины XVI в. и после присоединения Казанского и Астраханского ханств, когда весь Волжский путь, кроме Каспия, оказался в руках России, особенно во времена правления Петра I. В XIX – начале XX в. центрами торговли с Персией стали Москва и Астрахань, а в настоящее время – порт Астрахань, а в Иране главным центром торговли продолжает оставаться порт Энзели, в котором в настоящее время действует свободная экономическая зона. Своеобразным аналогом Волжского пути в наши дни можно считать международный транспортный коридор “Север–Юг”, однако основная роль в этом проекте принадлежит не Волжскому пути, а железным дорогам. Пока “Север–Юг” – государственный проект, а подключению к нему частных компаний может способствовать открытие в Астрахани Иранского торгового центра.

А.Н. Обухова (ИВ РАН) рассмотрела проект А.С. Грибоедова по развитию Северного Ирана и Кавказа, который включал в себя “Положения об управлении Азербайджаном”

и “Общие правила для действия Азербайджанского правления”. Разработка таких правил и положений для действий будущей администрации завоеванных территорий в июне 1827 г. диктовалась необходимостью обеспечения их безопасности. А.С. Грибоедов предложил новый формат системы управления, налогообложения, судопроизводства, включающий предоставление равных прав русским и мусульманам, вовлечение местных чиновников в управление отошедшими к России территориями, сокращение налоговых ставок и поборов местного населения. Эффективная деятельность временного правления Азербайджана (Северной Персии) и лояльность населения к русским войскам доказала жизнеспособность и актуальность концепции системы управления колонизированных провинций, предложенной Грибоедовым.

Я. Федина (Челябинский гос. ун-т) проанализировала современное состояние и перспективы российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики, отметив заинтересованность обеих стран в развитии ядерных технологий. Подписание соглашения “Об использовании ядерной энергии в мирных целях” в 1992 г. – ключевой момент в истории их взаимоотношений. Несмотря на отрицательную реакцию США и Израиля на ядерную программу Ирана, Россия занимает принципиально иную позицию в этом вопросе, считая, что Иран имеет право на развитие “мирного атома”, и выступает страной-гарантом в соблюдении им норм ядерной безопасности.

Два доклада были посвящены свободным экономическим зонам (СЭЗ) в евразийском пространстве. Так, *А. Арешев* (ИВ РАН) рассказал о такой зоне в Мегри (Армения) как важном факторе не только двустороннего армяно-иранского сотрудничества, но и взаимодействия ЕАЭС с Ираном. Страны Кавказа занимают важное место в контексте коммуникационной связи Ирана с Россией и странами Европы по линии “Север–Юг”. В то же время сохраняющаяся нестабильность вокруг Ирана, угрозы крупных региональных конфликтов сдерживают торгово-экономическое сотрудничество там, где оно могло бы стать более эффективным.

С.Я. Хосейни (Иран, МГИМО(У) МИД РФ) рассмотрел роль свободной зоны между ЕАЭС и Ираном для развития российско-иранских экономических связей. Основным торговым партнером Ирана в рамках ЕАЭС является Россия, на долю которой приходится около 75% общей торговли с Ираном. Внешнеторговый оборот России и Ирана по итогам 2016 г. составил 2.2 млрд долл., в том числе российский экспорт – 1.9, а импорт – 0.3 млрд долл., а по итогам января–августа 2017 г. – соответственно 989.6, 727.4 и 262.2 млн долл. В настоящее время ЕАЭС и Иран завершили работу над текстом временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли, которое заключено на три года. Реализация этого соглашения будет способствовать укреплению политических отношений Ирана и России, что положительно отразится на экономике Ирана.

Ш. Мохаммади (Иран, РУДН) отметил, что сегодняшний уровень ирано-российских экономических отношений не отвечает имеющемуся потенциалу. Россия не входит в число ведущих торговых партнеров Ирана, но имеются возможности для сокращения отрицательного для Ирана сальдо торгового баланса в ирано-российской торговле. Среди причин, стоящих на пути расширения ирано-российских экономических отношений, большинство экспертов отмечают однобокость товарной структуры экспортно-импортных операций между Ираном и Россией, недостаточное обеспечение соответствующей транспортной инфраструктурой. Наконец, требует пересмотра застарелая традиционная товарная структура, в первую очередь нужна ее диверсификация с учетом современных тенденций в международных торговых отношениях.

Блок докладов был посвящен проблемам культурного взаимодействия России и Ирана, в том числе и вопросам культурно-языкового диалога. Иранский взгляд на современное состояние и перспективы развития ирано-российских культурных связей был представлен руководителем Культурного представительства при Посольстве ИРИ

в РФ Резой Малеки. Докладчик отметил, что культурные связи Ирана и России, как и контакты в других областях, имеют давнюю традицию и находятся в состоянии развития, несмотря на отдельные периоды пауз. Культурные связи – основной инструмент для улучшения взаимного познания и понимания между народами Ирана и России, их сближения, база стратегического сотрудничества двух стран. Несмотря на значительное количество мероприятий, проводимых в сфере двустороннего культурного сотрудничества, по мнению докладчика, культурные связи развиваются несимметрично отношениям политическим, военным и экономическим, и есть потребность достичь равновесия в этом процессе.

Нахиде Калаши (Ун-т Аль-Захра, Иран) отметила, что сотрудничество между Ираном и Россией в сфере культурной и религиозной деятельности является важным фактором в развитии двусторонних отношений партнерства, в сближении их народов и укреплении взаимопонимания между ними. По ее мнению, необходимо определить факторы, мешающие успешному развитию этого процесса и способствующие его продвижению вперед.

Доклад М. Шафаги (Ун-т им. Аламе Табатабаи, Иран) был посвящен рассмотрению методов общественной дипломатии, способных содействовать стабилизации отношений между Ираном и Россией. В течение почти тридцатилетнего периода со времени распада СССР дипломатические отношения между двумя странами пережили как периоды взлетов, так и падений, что негативно отразилось на их взаимоотношениях. Колебания в отношениях России и Ирана являются результатом разного подхода к анализу принимаемых внешнеполитических решений, а также из-за расхождений во взглядах лидеров и элиты стран на происходящие в мире события и динамику развития международной ситуации. Использование новейших методов публичной дипломатии, особенно дипломатии сетевой, способствует активизации деятельности и повышению уровня мобильности в отношениях.

В выступлении А. Вахиите (Иран, РУДН) отмечалась важная роль СМИ в развитии как международных отношений в целом, так и двусторонних ирано-российских связей, нынешний этап которых многие политологи и аналитики называют “золотым периодом”. Вместе с тем они еще далеки от идеала, и здесь важным инструментом становятся СМИ. Культура представляет важный компонент политики “мягкой силы”, дефицит которой ощущается в нынешних двусторонних отношениях. Противники развития ирано-российских связей также используют в своих целях политику “мягкой силы” и влияют на общественное мнение, представляя Россию недостойной доверия, вспоминая “навязанные” царской Россией Ирану договоры.

Д.А. Адырхаева и П.С. Рипинская (Общество молодых иранистов России) представили проект “Блок Резы Саджади” – посла ИРИ в РФ в 2009–2013 гг. – в качестве первого опыта публичной дипломатии в Интернете с целью создания положительного образа Ирана в России и распространения положительной информации о нем. Проект стал неформальной платформой для общения между послом и гражданами РФ (и СНГ в целом) и объединил аудиторию более 10 тыс. читателей. В основу проекта были положены принципы персонализации, открытости, актуальности, образовательной направленности, борьбы со стереотипами, юмор, использование всех видов медиа. Проект не ограничивался виртуальным пространством, проводились “блогерские приемы” в Посольстве Ирана, камерные тематические встречи, а также представлявшие интерес с точки зрения публичной (народной) дипломатии ответные частные визиты посла к некоторым из посетивших его читателей, также освещавшиеся в блоге. Важным результатом проекта стало осознание иранскими дипломатическими кругами, каким серьезным средством воздействия может стать публичная дипломатия в Интернете. С 2014–2015 гг. при Посольстве ИРИ в РФ действует Отдел публичной дипломатии, а посол Ирана в России Мехди

Санаи ведет собственные блоги в “Живом журнале” и на Facebook, частично используя принципы, заложенные в проекте “Блог Резы Саджади”.

Не менее важную роль в развитии отношений России и Ирана играют общественные организации. *Л.Е. Авдеева* (Союз писателей РФ, Международная федерация журналистов) рассказала о деятельности Иранского общества культурных связей (ИОКС) и Советского общества культурных связей с Ираном (СОКСИ) в 1960–1980-е гг., уделив значительное внимание формам и методам работы комиссий по науке, литературе, искусству, переводу, информатике и др. На современном этапе в рамках “Диалога цивилизаций” в борьбе с культурно-информационной агрессией широко используются многие формы работы ИОКС и СОКСИ. Опыт духовно-просветительского взаимодействия, накопленный ими, привлечение к работе государственных и общественных организаций, творческой и научной интеллигенции должны стать фундаментом гуманитарных программ, моральным ориентиром в защите политических, экономических, социальных, религиозных и культурных прав человека.

Ряд выступлений был посвящен истории взаимоотношений России и Ирана. *Ю.А. Аверьянов* (ИБ РАН) остановился на проблеме взаимоотношений России и Ирана в сфере культуры в XVI–XX вв. и отметил, что в развитии культурного диалога между государством Сефевидов и последующими иранскими династиями Афшаров, Зендов, Каджаров и Российским государством особая роль принадлежала суфизму и его проявлениям в виде духовных практик, обителей, культа святых и художественного наследия, включая поэзию и живопись. Российские путешественники и дипломаты, посещавшие в то время Иран, начиная с купца Федота Котова, побывавшего в Исфахане в 1623 г., отмечали, что иранские суфии были отдельной влиятельной прослойкой общества, державшей в своих руках заупокойный культ сефевидских шахов в мемориальном комплексе в Ардебиле и действовавшей в других областях страны. Большое количество дервишей-абдалов, постоянно заполнявших городские площади и базары и известных своей “двойной” жизнью – внутренним благочестием при внешнем попрании всех запретов, напоминали русским людям юродивых, которых можно было встретить в Московском царстве. Однако мистические взгляды суфиев заинтересовали русских ученых позднее, лишь в начале XIX в., когда сформировалось востоковедение как наука и были сделаны первые переводы их мистических творений на русский язык.

Истории изучения персидского языка в России с начала XVII в. и до середины XIX в. посвящалось выступление *С.Э. Талыбовой* (МГЛУ). Она привела факты, свидетельствующие об интересе Петра I к Персии и понимании им необходимости подготовки квалифицированных кадров переводчиков с персидского языка, а также описала конкретные шаги в этом направлении – командирование учеников московских латинских школ в Персию, создание первого учебного заведения в России для изучения отдельных восточных языков, в том числе персидского, при Коллегии иностранных дел. В дальнейшем преподавание персидского языка вошло в устав Московского и Петербургского университетов. Оно связано с именами выдающихся представителей востоковедной школы того времени – Г.Я. Кера, А.В. Болдырева, И.Н. Березина и др. Появились первые хрестоматии и грамматики персидского языка, его словарные фиксации, например в “Русско-турецко-персидско-гилянском словаре” И.И. Лепехина.

М.С. Каменева (ИБ РАН) посвятила выступление анализу роли русских ученых, специалистов по иранской филологии, в развитии российско-иранских культурных связей конца XIX – начала XX вв. Именно этот период характеризуется значительными сдвигами в иранистических исследованиях и становлении российской иранистики как науки. Параллельно с практическим освоением персидского языка происходило его теоретическое осмысление, а зарождение самой науки началось с изучения проблем филологического характера – изучения иранских языков, в первую очередь персидского, их диалек-

тов и говором, персидской литературы, в том числе фольклора. Вклад русских иранистов-специалистов по иранской филологии в дело ее становления и развития огромен. Работы В.В. Бартольда, И.Н. Березина, В.А. Жуковского, К.Г. Залемана, В.Ф. Миллера, Е.Э. Бертельса и др. нашли признание как в России, так и в Иране, многие переведены на персидский язык и опубликованы там, а их авторы удостоены государственных наград России и Ирана.

А.А. Хисматулин (ИВР РАН) представил обзор творчества русскоязычных поэтов-переводчиков Хафиза в XIX–XX вв.: Д.П. Ознобишина (1804–1877), А.А. Фета (1820–1892), Е.В. Дунаевского (1889–1941), С.И. Липкина (1911–2003), К.А. Липскерова (1889–1954) и А.С. Кочеткова (1900–1953). Сравнение опубликованных в XIX в. переводов газелей Хафиза с их персидскими оригиналами приводит к выводу, что надежность их близка к нулю даже у русских поэтов-переводчиков, знавших персидский язык. Авторские образы либо искажены, либо редуцированы, либо заменены иными. Среди причин этого явления доминирование в литературной среде того времени представления о том, что в переводах должны отражаться лишь проблемы, важные для русской литературы. В XX в. надежность русскоязычных переводов Хафиза существенно возросла, особенно у переводчиков со знанием персидского языка. Среди них особенно выделяются переводы репрессированного в 1941 г. Е.В. Дунаевского как наиболее соответствующие оригиналу. С тех пор его имя было незаслуженно забыто, а многие из его переводов в современных, особенно сетевых изданиях, очень часто приписываются А.А. Фету.

В двух докладах рассматривались тенденции в развитии лексической системы персидского языка в свете российско-иранского диалога. Е.Л. Гладкова (МГИМО) проанализировала политический дискурс персидского языка, сконцентрировав внимание на двух аспектах. Прежде всего это русские заимствования, в частности в названиях органов власти (*duma-ye dowlati* “Государственная дума”), сфере сотрудничества (*koridor-e shomal-e janub* «транспортный коридор “Север–Юг”»), в международной лексике (*troika-ye Ograi* “Евротройка”). Это и отражение динамики развития неоднозначных российско-иранских отношений с применением методов исследования качественно-количественных характеристик контент-анализа (*dar sath-e balatar az gozashte* “лучше, чем когда-либо за последние годы”), и наличие общих характеристик двух стран в русском и персидском политическом дискурсе (*hamsaye-ye bozorg* “великий сосед”, *sharik-e rahbord* “стратегический партнер”). Сделанные докладчиком выводы говорят о том, что, во-первых, при анализе политического текста можно выделить как общие параметры, так и отдельные сюжеты, характеризующие тему (соответственно, “российско-иранские отношения” и “российско-иранские отношения – стратегическое партнерство”; во-вторых, политический дискурс всегда идеологизирован и аксиологичен, его нельзя рассматривать без учета внелингвистических факторов (российско-иранские отношения – фактор доверия).

А.В. Громова (ИСАА МГУ) отметила, что среди русизмов в персидском языке, сосредоточенных в таких семантических полях, как транспорт, банковское и военное дело, а также обозначающих многочисленные термины, связанные с описанием российских и советских политических и экономических реалий, особое место занимает кулинарная лексика. Хрестоматийны и не нуждаются в переводе такие примеры, как *samavar*, *kalbas*, *estekan*. В настоящее время в области изучения языковых контактов между Россией и Ираном активно исследуется широкий круг этимологических, лексикологических и диалектологических вопросов, например, вводятся в оборот примеры контактов в гастрономической и хозяйственной лексике, связанной с рыболовством на Каспийском побережье и т.д. В широком потоке интернационализмов, появляющихся в персидском языке в XXI в., особо интересным представляется анализ развития и изменения значения таких

русских заимствований, как *pirashki* и *sukhari*, которые на фоне западной гастрономической экспансии обрели новую жизнь в языковом и культурном пространстве современного Ирана.

Работу **секции, посвященной внешнеполитическому треку отношений Ирана и России** открыл *Г.П. Авдеев* (Международный отдел ЛДПР). Он отметил, что приход к власти шиитского духовенства и установление в Иране теократического правления в форме исламской республики в 1979 г. вызвали в правящих кругах СССР неоднозначное восприятие. Догматическое применение методов марксистского анализа революционного движения конца XX в. с упором на ведущую роль пролетариата оказалось неприемлемым к событиям иранской действительности и вызвало на начальном этапе становления ИРИ определенное напряжение в отношениях между ней и СССР. В 2000-е гг. отношения стали выстраиваться с учетом мнения экспертного сообщества и взаимных интересов обеих стран. Во время второго срока президентства В.В. Путина взаимодействие Москвы и Тегерана приблизилось к уровню стратегического партнерства.

Доклад *А.В. Баранова* (СГУ им. Н.Г. Чернышевского) был посвящен анализу внешнеполитической части предвыборной программы Хасана Роухани в преддверии президентских выборов 19 мая 2017 г. В условиях международных реалий, изменившихся после подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 г., Иран взял курс на восстановление отношений со странами ЕС, особенно с Францией и Германией. Россия рассматривалась Тегераном в комплексе с Китаем. Развитие ирано-российских отношений основывалось на соответствии их вектора иранским национальным интересам: военно-техническая сфера, транспорт, энергетика, нефтехимия, информационные технологии, логистика. При всех имеющихся возможностях и открывающихся перспективах сотрудничества российский вектор иранской политики при Х. Роухани будет наполняться в большей степени политическим, а не экономическим содержанием.

Вопросы взаимодействия Ирана и России в плане обеспечения региональной безопасности освещались в докладе *Э.Б. Боева* (НГПУ), *В. Хоссейнзаде* (НГУ им. Лобачевского). Обеспечение региональной безопасности на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении длительного времени было приоритетным направлением как российской, так и иранской внешней политики. В разное время отношения двух стран в этой сфере переживали разные периоды, что было связано с влиянием внешних и внутренних факторов. С одной стороны, Иран ранее являлся не субъектом, а объектом мировой политики и ареной противоборства великих держав. После Второй мировой войны и вплоть до Исламской революции 1979 г. он был членом западного блока и двигался в фарватере политики США. С другой стороны, для России после распада СССР наступил сложный период, когда до начала 2000-х гг. российская внешняя политика находилась под сильным влиянием Запада. На современном этапе для России и Ирана объективно не существует условий, при которых роль третьих стран в двусторонних отношениях является определяющей, и они могут взаимовыгодно сотрудничать в обеспечении стабильности на Ближнем и Среднем Востоке.

А. Маргоев (Миддлберийский ин-т междунар. исследований, США) рассмотрел совместный план действий по иранской ядерной программе, вклад России в переговорный процесс и устойчивость достигнутого соглашения. Он осветил историю взаимодействия России и Ирана с момента заключения меморандума о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии в 1992 г. В процессе переговоров по иранской ядерной программе Москва предложила наиболее сбалансированный подход к решению проблемы и во многом содействовала тому, что американская сторона согласилась на сохранение Ираном своей программы по обогащению урана для научно-исследовательских целей. Говоря о перспективах сохранения различными странами своих обязательств по СВПД, А. Маргоев отметил, что позиция президента Д. Трампа существенным образом

подрывает устойчивость соглашения. Как считает докладчик, России и странам ЕС необходимо оказывать влияние на Иран, чтобы США продолжали сотрудничество с ним не только в области ядерной энергетики, но и в других сферах.

Ряд докладов был посвящен перспективам сотрудничества Российской Федерации и Исламской Республики Иран с различными государствами. *Г.Г. Аветикян* (Европейский ун-т, СПб.) сосредоточил внимание на политике Ирана и России на Южном Кавказе. Многовековая история российско-иранских отношений не была богата периодами взаимовыгодного сотрудничества в отличие от современного этапа, когда отношения приобрели очертания стратегического партнерства. Но ряд объективных факторов препятствует развитию ирано-российского сотрудничества на этом направлении. Спустя четверть века после распада СССР Грузия, Азербайджан и Армения разнонаправленно выстраивали свою внешнюю политику. Армения и Азербайджан, находящиеся в непрерывном военном противостоянии, рассматривают возможность многостороннего сотрудничества с Ираном и Россией, исходя из соображений игры с нулевой суммой, где любой проект регионального сотрудничества с более влиятельными соседями должен исключить вовлечение противника. Сложившаяся ситуация в определенной мере затрудняет развитие полноценного российско-иранского диалога на Южном Кавказе, вынуждая Россию и Иран ориентироваться на отдельные проекты в сфере безопасности, торговли, энергетики и развития инфраструктур, зачастую конкурирующие между собой.

Н. Граевски (Оксфордский ун-т, Великобритания) рассмотрела сотрудничество России и Ирана в урегулировании таджикского кризиса, с одной стороны, как отвечающее их взаимным интересам, а с другой – в качестве примера успешного международного посредничества при решении конфликтных ситуаций. Она проанализировала связи Москвы и Тегерана с различными политическими группировками в Таджикистане и их влияние на реализацию межтаджикского диалога. По ее мнению, парадигма успешного российско-иранского сотрудничества в Таджикистане может быть использована и при решении других международных кризисов.

Тема доклада *И.Е. Федоровой* (ИБ РАН) – вызовы и возможности сотрудничества Индии, России и Ирана на двусторонней и многосторонней основе. Эти страны имеют общий взгляд на необходимость многополярного мироустройства, не проводят в регионах, жизненно важных для государств-партнеров, политику, которая наносит ущерб интересам другой стороны. Геополитические, стратегические и ресурсные возможности трех стран дополняют друг друга, а объединение усилий открывает широкое поле для деятельности, синергический эффект которой может оказаться очень высоким. Страны сталкиваются с общими вызовами. Главный – международный терроризм, в частности радикальный исламизм. Особое внимание Москва, Тегеран и Дели уделяют ситуации в Афганистане. Продолжающийся долгий период военно-политический кризис в этой стране и возможность его переноса на территории сопредельных стран, растущий объем наркотрафика несут серьезную угрозу их безопасности. Наряду с общими вызовами Россия, Иран и Индия имеют общие геополитические интересы. Например, участие в активном продвижении проекта международного транспортного коридора “Север–Юг”, проходящего через территорию Ирана, позволит диверсифицировать региональные коммуникационные проекты и избежать доминирования какого-либо одного государства в регионе. Существенные ограничения взаимовыгодному сотрудничеству создают санкции США против Тегерана и России.

Н.А. Замаева (ИБ РАН) подчеркнула, что необходимость согласованности усилий для противостояния угрозе исламистского экстремизма вблизи государственных границ убедила Тегеран при поддержке Москвы призвать Исламабад к формированию единой дуги безопасности в рамках построения сильного “постзападного” региона. Подобная необходимость появилась после поражения ИГИЛ на Ближнем Востоке в результате

действий российских Воздушно-космических сил. По мнению докладчицы, разгром террористической организации, с одной стороны, возродил надежды на стабильность в регионе, с другой – усилил потенциал нового конфликта в Афганистане, куда перебираются боевики. Россия и Иран неоднократно делали заявления о недопустимости новой волны исламистского экстремизма в Западной Азии. При этом цели антитеррористической военной кампании, которую Пакистан ведет в северных районах страны с 2014 г., созвучны предложениям Москвы и Тегерана, заключенным в идее проведения Форума регионального диалога в Персидском заливе. Единственным препятствием для продвижения инициативы остается отсутствие доверия между странами. И если Москва и Тегеран сумели его преодолеть, то Исламабад не готов в одночасье развернуться в сторону России и Ирана.

Р. Сулейманов (МГУ) рассмотрел вопросы сотрудничества РФ, ИРИ и Азербайджана. Среди них – транспортный коридор “Север–Юг” и “Большой энергетический мост Россия–Азербайджан–Иран”, окончательная делимитация границ в Каспийском море, урегулирование Нагорнокарабахского конфликта. Докладчик отметил, что взаимодействие России, Азербайджана и Ирана может способствовать более эффективной интеграции на евразийском континенте, в частности в таких форматах, как ШОС и БРИКС.

В связи с важностью анализа политики Ирана и России в Сирийской Арабской Республике значительная часть докладов внешнеполитической секции была посвящена проблемам сирийского урегулирования. *В.В. Евсеев* (Ин-т стран СНГ) рассказал о ситуации в САР. Радикальные организации, в том числе “Исламское государство”, сохраняют под своим контролем значительную часть страны и пытаются вернуть ранее контролируемые территории. Активизировались боевые действия в зоне деэскалации “Восточная Гута”. В ответ на это сирийская армия продолжает военную операцию по освобождению провинции Хама от радикалов-исламистов. В таких условиях важно укрепление российско-иранского взаимодействия и привлечение Турции к этому процессу. В экономическом возрождении Сирии ни США, ни Европа участвовать не намерены. Ожидается, что крупные инвестиции в САР придут из Китая (напрямую) и из ОАЭ и Катара через ливанские банки. Важно участие в этом процессе Москвы и Тегерана в рамках выстраивания двустороннего стратегического диалога и не менее важно их взаимодействие при создании будущей стабильной Сирии как единого и независимого государства.

В докладе *В.М. Ахмедова* и *Л.М. Кулагиной* (ИБ РАН) были проанализированы основные тренды политики ИРИ и РФ в САР. Иран всегда рассматривал Дамаск как важное звено в “оси сопротивления” по линии Тегеран–Багдад–Дамаск–Бейрут–Газа для сдерживания Израиля и распространения своего влияния через поддержку шиитских общин в ряде арабских стран региона. Влияние Ирана на Сирию особенно усилилось после прихода к власти в Дамаске в 2000 г. Б. Асада, и Тегеран сыграл ведущую роль в сохранении его режима. В 2012 г. ЦБ ИРИ открыл многомиллиардную кредитную линию сирийским властям, в САР были направлены для оказания помощи армии Б. Асада несколько тысяч бойцов ливанской Хезболлы, советников и специалистов из элитного корпуса “аль-Кодс” и шиитской милиции из Ирака и Афганистана. Однако позиции Б. Асада в 2015 г. были подорваны. Участие российских ВКС коренным образом изменило ситуацию в самой Сирии и вокруг нее. Несмотря на традиционно союзнические отношения между Москвой и Тегераном, в Иране опасались, что военное присутствие России в Сирии и растущее политическое влияние Москвы на международные отношения в регионе может заставить Иран серьезно скорректировать свои планы, прежде всего в Сирии. Внешне Иран стремился продемонстрировать свою поддержку планам Москвы, но на деле выступал против привлечения ее к будущим политическим переговорам Саудовской Аравии, а лидеры Хезболлы отвергали даже постановку вопроса о выводе своих от-

рядов и других шиитских формирований из Сирии. Вместе с тем в связи с возросшим в последние годы влиянием Ирана на Ближнем Востоке, Москве придется приложить усилия, чтобы переговоры по сирийскому урегулированию в формате Астаны и Женева дали весомые результаты и стали прочной основой решения сирийского вооруженного конфликта мирным путем.

Н.А. Филин (РГГУ) и *В.О. Кокликов* (МГЛУ) продолжили рассмотрение темы “Россия и Иран в Сирии” и отметили, что иранская политическая элита достаточно осторожно смотрит на действия России в Сирии и видит в ней только союзника в борьбе с общим врагом, но не стратегического партнера. Иранские эксперты считают, что интересы двух стран в САР не всегда пересекаются. Положительным результатом присутствия российских ВКС они считают поддержку режима Б. Асада, а отрицательным моментом – тот факт, что Россия действует в соответствии со своими собственными интересами, которые зачастую не соотносятся с иранскими. Опасения у них возникают и по поводу того, что Москва может сделать САР и ИРИ разменной монетой в своих переговорах с Западом. Столь же негативно рассматриваются иранскими экспертами отношения Москвы и Израиля.

Ю.В. Свешникова (НИУ ВШЭ) и *Хамидреза Азизи* (Ун-т им. Шахида Бехешти, Иран) в совместном докладе рассмотрели влияние внешних факторов на российско-иранское взаимодействие по сирийскому вопросу. Они исследовали его механизмы, начиная с 2012 г., и попытались выявить препятствия к установлению стратегических взаимоотношений. Наиболее подходящей для описания этих процессов, по их мнению, является модель неустойчивого характера, которую можно назвать “взаимодействие *ad hoc* с реакцией на возникающие угрозы”, одной из которых стал конфликт в Сирии. Анализ российско-иранских противоречий показал, что в региональном и международном контекстах между Москвой и Тегераном имеются противоречия. Россия и Иран разделяют реалистичный взгляд на эти отношения. В ряде случаев вмешательство внешних участников оказывает существенное влияние на дальнейшее развитие двусторонних отношений (в том числе более тесное сотрудничество по сирийскому вопросу).

Доклады **секции, посвященной истории отношений Ирана и России**, охватили широкий круг вопросов. *С.Б. Дружиловский* (МГИМО) осветил ирано-российские отношения накануне заключения соглашения 1921 г. и дал сравнительную характеристику национально-освободительным движениям, происходившим в Иране, Афганистане и Турции после революции 1917 г. в России. Он отметил роль Москвы в Гилянских революциях в Иране, Кемалистской революции в Турции и в антибританском восстании в Афганистане. Поддерживая эти национально-освободительные движения, Советская Россия в качестве главных целей ставила задачу отбросить британскую угрозу от своих границ и прорвать дипломатическую блокаду, возникшую после разгрома интервентов и прекращения гражданской войны в России. Экспорт социалистической революции, в том числе во время гилянских событий, в которых закавказские большевики принимали непосредственное участие, не рассматривались советским правительством в качестве актуальной задачи. Как только сложились благоприятные условия, Москва немедленно приступила к переговорам с правительствами соседних восточных государств и добилась дипломатического признания и заключения с ними дружественных договоров в 1921 г.

Продолжая тему событий в Гиляне, *С.М. Раванди-Фадаи* (ИВ РАН) проиллюстрировала свое сообщение художественными работами Магомеда Ага Кесмаи, В. Хлебникова, карикатурами Эсханулла Хана Дустдара и М. Доброковского. Зарисовки, портреты, карикатуры, шаржи и плакаты этих художников, которые хранятся в музеях Москвы, являются ценным художественным отображением революции в Гиляне. *Я. Эшотс* (Ин-т исмаилистских исследований, Великобритания) рассказал о поездке В. Хлебникова в Гилян в конце 1920 – начале 1921 гг. Поэт приехал в Иран в качестве лектора политуправ-

ления Реввоенсовета 11-й армии, отправленной в Иран на помощь Эхсанулле-хану Дуст-дару, возглавившему Гилянскую советскую социалистическую республику после свержения Мирзы Кучек-хана.

О вопросах турецко-персидского разграничения 1849–1852 гг. и роли России в этом процессе, важных и практически неисследованных в российской исторической науке, речь шла в докладе *А.Д. Васильева* (ИВ РАН). Разграничение спорных территорий и проживавших на них народностей при посредничестве Великих держав в середине XIX – начале XX в. во многом определило современную этническую карту региона, сформировав современные очаги потенциальных конфликтов и противоречий. Приграничные территории Османской империи и каджарского Ирана, населенные курдами, включавшие центральную и северо-восточную части современного Ирака, оставались предметом конфликта сторон на протяжении XVIII – первой половины XIX в. В результате ряда приграничных конфликтов к 1847 г. в Эрзеруме был подписан договор о разделе этих территорий между Персией и Османской империей при посредничестве России и Великобритании.

А.И. Полищук (МГЛУ) отметил, что в отношениях России и Ирана торговые связи занимали важное место, существовали издревле и осуществлялись преимущественно по Волге и Каспию. Герцог Фридрих III Голштейн-Готторпский (1597–1659) вынашивал планы по развитию северной морской торговли и попытался проложить торговый путь в Персию через Российское государство. С этой целью в 1633, 1636 и 1638 гг. из Гамбурга направлялись посольства в Москву и Персию. Россияне участвовали в снаряжении голштинского посольства в Персию, а проект торгового договора о транзите через Москву содержал список товаров, которыми в то время торговали московские и персидские купцы. Спустя почти 350 лет некоторые тенденции в торговле между Россией, Ираном и Западом сохранились. Торговый маршрут в Европу из Ирана через Россию так и не стал удобным и выгодным. Транспортный коридор “Север–Юг” практически не работает. Ввозить иранские товары порой проще по морю, чем через Россию. Иранские купцы активны в Астрахани, где представлено большое количество иранских фирм, занятых преимущественно ведением импортных операций.

Н. Тер-Оганов (Тель-Авивский ун-т, Израиль) представил доклад о важном источнике по истории англо-русского соперничества за преобладание в Азии, в частности в Персии, в начале XX в. – письме руководителя русской дипломатической миссии в Персии Н.Г. Гартвига воспитателя персидского шаха штабс-капитану К. Смирнову. Анализ документа, в котором содержались важные сведения по истории внутривосточной борьбы в Персии в годы Иранской революции 1905–1911 гг., дан на широком историческом фоне дипломатической борьбы между Россией и Великобританией за влияние на персидского шаха и его двор. Ценность источника заключается и в том, что письмо не является официальным и представляет собой открытое изложение политических взглядов высокопоставленного российского дипломата по “персидскому вопросу”.

Биографии и творчеству российского востоковеда-дипломата В.П. Никитина (1885–1960) был посвящен доклад *М.Ю. Сорокиной* (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына). Она рассказала о трудной судьбе русского востоковеда в эмиграции после революции 1917 г. в России, о его контактах с товарищами по Лазаревскому институту восточных языков В.А. Гордлевским, Б.В. Миллером и Б.Н. Заходером. Большая часть доклада содержала обзор работы В.П. Никитина “Курды”, изданной в Москве в 1964 г. и содержащей данные по истории и культуре курдского народа.

В работе конференции приняли участие студенты 3-го курса ИСАА МГУ, которые выступили с короткими сообщениями на секциях по истории отношений России и Ирана и российско-иранскому культурному диалогу и для которых участие в научном форуме стало пробным камнем в будущей научной деятельности.

Предложенные для обсуждения темы, а также заслушанные в ходе конференции доклады вызвали большой интерес присутствующих и стали предметом активной дискуссии в рамках всех секций. Были представлены интересные соображения и новый взгляд на происходящие в сфере российско-иранских отношений процессы. Подводя итоги конференции, руководители секций отметили ее успешное проведение, широкий диапазон тематики докладов и их высокий уровень.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КАМЕНЕВА Марина Самуиловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.	Marina S. KAMENEVA – PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.
ФЕДОРОВА Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.	Irina Ye. FEDOROVA – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.